

РАБОЧИЙ КЛАСС В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ

Автор: А. Ш. ЖВИТИАШВИЛИ

Жвितिашвили Анатолий Шалвович - кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела социальной структуры Института социологии РАН (E-mail: zhvitiashvili-a@mail.ru).*

Аннотация. Рассматриваются изменения места рабочего класса в постиндустриальном обществе, вызванные сдвигами в экономике и социальной структуре западных обществ. Обращается внимание на субъективные аспекты его положения - степень идентификации и ценности.

Ключевые слова: постиндустриальное общество * рабочий класс * идентификации и ценности * рынок труда * занятость * социальная структура * ценности

Фундаментальные сдвиги в мировой экономике радикально меняют социальную структуру современного общества. Глубокие изменения коснулись и положения рабочего класса. Долгое время он рассматривался в качестве протагониста общественных перемен в капиталистическом обществе и центра притяжения сил социального обновления. Однако ряд факторов - интеграция рабочих в капиталистическую систему, поражение "реального социализма" и постиндустриальная революция - заставляет заново осмыслить "рабочий вопрос".

Какую же социальную группу считать рабочим классом сегодня? Каковы критерии его выделения из остальных социальных кластеров? Каково его место в социальной структуре современного западного общества? Для ответа на эти вопросы рассмотрим процессы трансформации социально-экономических и социально-классовых отношений в условиях развития постиндустриального мира.

Распространенные в современной социологической литературе трактовки понятия рабочего класса указывают на отсутствие унифицированной оценки этой категории социологического анализа [Райт, 2000; Гидденс, 1999]. Неоднозначность понимания рабочего класса затрудняет формирование четкой картины рассматриваемого явления.

Согласно широкой трактовке, рабочий класс представляет собой всех работников наемного труда. Э. Райт связывает такой взгляд с "простой поляризацией классовой структуры развитого капитализма" [Райт, 2000]. Здесь понятие "рабочий класс" определяется через противопоставление классу капиталистов, фиксируя ключевую роль отношений собственности в процессах классового образования. Принцип "простой поляризации" упрощает оптику социально-классовых отношений, сводя ее к дуальной оппозиции, построенной на идее борьбы противоположности интересов.

Согласно узкой трактовке, "рабочий класс состоит... из "синих воротничков" -людей, занятых физическим трудом" [Гидденс, 1999]. Здесь рабочий определяется через характер труда как следствие разделения труда. В рамках данной трактовки выделяется еще одна. По словам Райта, "все марксисты соглашались, что индустриальные наемные работники физического труда принадлежат к рабочему классу" [Райт, 2000]. Однако в рамках указанных трактовок, фиксирующих важные признаки рабочего класса, трудно провести четкое различие между ним и другими социальными

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта N11 - 03 - 00231a.

группами. Так, менеджер, будучи наемным работником, не относится к рабочему классу, поскольку входит в группу управляющих. Фермер, занятый физическим трудом, не является рабочим, будучи собственником. Клерк как работник нефизического труда не принадлежит к рабочему классу, хотя включается в группу управляемых. Одним словом, не каждый наемный работник является рабочим. Не каждый работник физического труда относится к рабочим. Пересекаясь с социальными позициями других страт, рабочие, тем не менее, не могут быть включены в них. В условиях высоко дифференцированных западных обществ указанные критерии недостаточны. Попытку переосмыслить критерии и сформулировать новые предпринял М. Вебер. У него классообразующим фактором выступает не отношение к средствам производства, как у К. Маркса, а "жизненные шансы", доступ к благам и услугам на рынке труда или "рыночная способность" к обмену ресурсами. Кроме экономического измерения, Вебер выделил социальный статус, вокруг которого кристаллизуются статусные группы на основе "социальной оценки" их престижа, и власть как функцию обладания ресурсами в экономических, статусных и политических системах [Радаев и др., 1996: 86]. В отличие от марксистского подхода в веберовской модели социальная стратификация не детерминирована экономической, где группы с одинаковыми "жизненными шансами" образуют "классы". Это подтвердили проведенные в 1930-х гг. в США исследования У. Л. Уорнера. Было установлено, что рабочих, занимавших близкие позиции в производственных отношениях, разделяла большая социальная дистанция в иерархии статусных групп, благодаря которой часть рабочих попадала в средний класс наряду с мелкими и средними предпринимателями [Warner et., 1966: 90]. Выявленная Уорнером дифференциация рабочего класса превращала его в группу, в которой ее члены занимают разные структурные позиции по разным шкалам социальных переменных: более высокие по одним шкалам и более низкие по другим. Среди этих переменных кроме характера труда и положения на рынке труда выделяются степень участия в управлении производством (объем властных полномочий), престиж профессии, уровень образования, квалификации и доходов. При всей плодотворности многомерного подхода он несет в себе риск чрезмерно расширительной трактовки природы рабочего класса на основе учета многих показателей стратификации. Поэтому условимся, сохраняя методологическую ориентацию на принцип многомерной стратификации, понимать под рабочим классом социальную группу наемных работников физического, в том числе квалифицированного труда в сфере материального производства (первичного и вторичного секторов) и услуг (третичного сектора), отстраненных от контроля над производственным процессом. Без одного из этих признаков мы получим вместо рабочего класса иную социальную группу.

За последние 50 лет численность рабочего класса в развитых странах сократилась более чем на 40% [Макарова, 2006]. Сокращение его численности следует рассматривать в контексте перехода от индустриального общества к постиндустриальному, кардинальных изменений отраслевой структуры экономики, рынка труда, института собственности, социальной структуры общества.

Наиболее обобщающим понятием, принятым в западной социологии для описания структурных перемен в современных развитых обществах, является концепт постиндустриального общества. Выделяют три основных типа общества: доиндустриальное, индустриальное и постиндустриальное (по Д. Беллу) или "первую", "вторую" и "третью" волны цивилизации (по О. Тоффлеру). Д. Белл так описал этот феномен: "Постиндустриальное общество определяется как общество, в экономике которого приоритет перешел от преимущественного производства товаров к производству услуг, проведению исследований, организации системы образования и повышению качества жизни; в котором класс технических специалистов стал основной профессиональной группой и, что самое важное, в котором внедрение нововведений ... во все большей степени стало зависеть от достижений теоретического знания... Постиндустриальное общество ... предполагает возникновение нового класса, представители которого на политическом уровне выступают в качестве консультантов, экспертов или технокра-

тов" [Иноземцев, 1999: 27]. Белл выделил три основных аспекта постиндустриального общества: 1) переход от индустриального к сервисному обществу; 2) решающую роль научного знания для реализации технологических инноваций; 3) превращение "интеллектуальной технологии" в ключевой элемент принятия решений. Согласно П. Дракеру, если "на протяжении первого этапа... знания использовались для разработки... производственных технологий", то "сегодня знание... применяется в сфере самого знания", которое "быстро превращается в определяющий фактор производства, отодвигая на задний план и капитал, и рабочую силу" [Дракер, 1999: 70 - 71]. Позже М. Кастельс показал особенность поздней фазы постиндустриального развития. Он пишет: "Термин "информационное общество" подчеркивает роль информации в обществе... Термин "информационное" указывает на атрибут специфической формы социальной организации, в которой... генерирование, обработка и передача информации стали фундаментальными источниками производительности и власти" [Кастельс, 2000: 42]. В отличие от концепции "сервисного общества" Белла, где фиксируется изменение видов производственной деятельности, в концепции "информационного общества" Кастельса делается акцент на "технологической способности использовать в качестве прямой производительной силы" "способность обрабатывать и понимать символы". Ключевой чертой такого общества являются сетевые структуры и процесс символизации социально-стратификационных отношений. В таком обществе свершается переход от производства товаров и услуг к производству и потреблению символов.

Произошедшие изменения привели к существенному сокращению доли традиционных отраслей экономики - аграрной и индустриальной. Так, в США доля занятых в сфере услуг составляла в 2006 г. 78,7% [Соболевская и др., 2009: 67 - 68]. К США по этому показателю приблизились Великобритания, Швеция, Канада, Нидерланды, Бельгия, Дания, Франция, Швейцария. Уровень занятости в промышленности этих стран составлял в 2006 г. около 20%, в сельском хозяйстве - от 1,5 до 2% (за исключением Дании - 3% и Франции - 3,4%). В Австрии, Финляндии, Германии, Италии, Японии уровень занятости в сфере услуг составлял в рассматриваемый период 65 - 69%, в промышленности - 25 - 30%, в сельском хозяйстве - 4 - 5% (в Германии - 2,3%). В 2005 г. доля рабочих средней и низкой квалификации составляла в США, Великобритании и Германии - 22%, в Японии - 11% [Соболевская и др., 2009: 68]. Перестройка отраслевой структуры экономики развитых стран, переход от массового производства к гибкой системе занятости сопровождается дифференциацией рынка труда на различные сегменты. Выделяют "внутренний" - "первичный" и "вторичный" сегменты, "внешний" - рынок внештатных сотрудников (фриланс), "сетевой рынок труда" (те, кто работает с помощью информационно-коммуникационных сетей). По словам М. Кастельса, "мы являемся свидетелями обращения вспять исторической тенденции к наемному труду и социализации производства... индустриальной эры" [Кастельс, 2000: 499].

Уже на этапе сегментации "внутреннего рынка труда" на "первичный" и "вторичный" происходит раскол рабочей силы. Так, рабочие места в "первичном сегменте" рынка труда обеспечивают работников высокой зарплатой, хорошими условиями труда, стабильной занятостью, карьерным продвижением. Во "вторичном сегменте" рынка труда, наоборот, низкие зарплаты, неудовлетворительные условия труда, нестабильная занятость, отсутствие перспектив профессионального роста [Радаев и др., 1996: 141 - 142]. К еще более незащищенным группам относят тех, кто работает на краткосрочных контрактах, лиц, занятых временной работой или работающих неполный рабочий день. На "внешнем" рынке труда действуют работающие по субконтракту, самозанятые, привлеченные на основе аутсорсинга, фрилансеры, т.е. группы в основном внештатных работников, составляющих дополнительную рабочую силу. В результате, как замечает М. Кастельс, "основная масса... рабочей силы не имеет постоянного места работы". Развитие информационно-коммуникационных технологий вызвало появление нового типа рынка труда - сетевого, на котором действует сетевой работник. Сетевая организация труда приносит новое деление рынка труда на "кластерный" и "сетевой", будучи выражением процесса "индивидуализации" труда.

Выход производства за рамки предприятий и его размещение вне основного места работы знаменует отделение труда от капитала. Так, в США к середине 90-х гг. XX в. было создано около 20,7 млн. рабочих мест на дому [Иноземцев, 1997: 37]. Однако такое отделение труда от капитала принципиально отличается от процесса отделения работника от средств производства, описанного К. Марксом. Если в последнем случае в результате такого отделения актер оставался без собственности, то в первом случае результатом такого отделения становится объединение труда и капитала на базе индивидуального труда, которое порождает новую форму самозанятости или самонайма.

С вышеуказанными процессами М. Кастельс связывает эрозию "традиционной формы работы", которая основывалась на занятости в течение полного рабочего дня, очерченности профессиональных позиций, "модели продвижения на протяжении жизненного цикла".

Все это не могло не сказаться на положении безработных, на изменении самого характера безработицы. Как констатирует З. Бауман, "люди, ... именуемые "безработными", более не составляют "резервной армии труда"", "они не требуются в качестве даже потенциальных производителей благ" [Бауман, 2002: 93]. На изменение статуса безработного влияют и впечатляющее уменьшение занятости в сфере материального производства и технический прогресс, снижающий потребности в занятых.

Структурные изменения в организации труда, вызванные кардинальной перестройкой отраслевой структуры экономики, появлением новых форм распределения рабочей силы, углублением сегментации рынка труда, ростом разных форм внештатной работы, тенденцией индивидуализации труда, усилением роли сетевого работника, выталкивают рабочий класс на периферию производственного процесса, интенсифицируют процесс его экономической нейтрализации.

Перемены в сфере отношений собственности связаны с переходом от материальных к нематериальным аспектам. Разумеется, собственность не исчезает как институт, но в ее составе все большее значение получают категории информации и знания, которые становятся портативной и фактически неотчуждаемой формой собственности в отличие, например, от производственных активов. По словам В. Иноземцева, "человек не зависит в той степени, в какой это имело место в индустриальной цивилизации, от собственности представителей господствующего класса на средства производства, так как главным из них становятся знания, неотделимые от человека" [Иноземцев, 1997: 39]. Рост экономической автономии индивида создает условия для процесса слияния капитала и работника, в ходе которого "возникает класс, не нуждающийся в эксплуатации других социальных групп" [Иноземцев, 2000: 70].

Постиндустриальная революция, кардинально перестроив экономическую структуру общества, трудовые отношения, привела к существенным сдвигам в сфере социально-стратификационных отношений. Авторам ранних версий постиндустриального общества казалось, что "классовая структура будет сжата, почти каждый станет профессионалом или управляющим в рамках полностью кооперированной структуры" [Тоффлер, 1986: 254]. Однако в постиндустриальной фазе, также как и на предшествующих этапах социального развития, невозможно упразднить деление общества на управляющих и управляемых - неизбежное следствие разделения труда и фундаментальную характеристику различных типов социальной организации в истории человечества. Постиндустриальное общество не устраняет это противоречие, а лишь видоизменяет его. Основным фактором социальной дифференциации выступает теперь не отношение к собственности на вещные средства производства, а доступ к информации и информационным технологиям. На место раскола общества по признаку наличия экономической власти у одних (у буржуазии) и отсутствия ее у других (у пролетариата) встает "фундаментальный раскол в информационном капитализме" между рабочей силой, "потенциально заменимой машинами или другими членами родовой рабочей силы", и информационными производителями [Кастельс,

2000: 500]. Речь идет не просто о новой форме дифференциации совокупной рабочей силы, а о формировании "нового типа богатства и бедности" на основе отношения к обладанию информацией и информационными технологиями.

Изменившаяся природа отношений между элитой и низами является результатом длительной эволюции отношений управляющие - управляемые. В этой эволюции выделяются несколько стадий. В обществах, где работники были соединены со средствами производства (докапиталистические общества), отношения между господствующим и подчиненным "классами" носят характер двойной взаимозависимости. Это зависимость акторов от объекта собственности (назовем ее зависимостью-1) и зависимость управляющих и управляемых друг от друга (назовем ее зависимостью-2). В обществах, где произошло отделение работника от средств производства (капитализм), значительно ослабевает зависимость-1, поскольку большая часть населения лишается средств производства. Важно подчеркнуть, что ослабление этого вида зависимости происходит как в нижних, так и в верхних стратах общества. Если "ранний" капитализм радикально меняет основание социальной пирамиды (отделяет рядового работника от собственности), то "поздний" капитализм осуществляет радикальные перемены в самом правящем классе (обособляет институт управления от института собственности). Оба процесса были подмечены еще К. Марксом в "Капитале". Анализируя трансформацию простого товарного производства в капиталистическое, Маркс показал на примере стран Западной Европы, что этот процесс сопровождался отчуждением товаропроизводителя от принадлежавших ему средств производства. Присматриваясь уже к эволюции капиталистического производства, Маркс констатировал на примере акционерных обществ "превращение... капиталиста в простого управляющего, распоряжающегося чужими капиталами" [Маркс, 1970:479]. Новую фазу (30-е - 40-е гг. XX в.) процесса отделения управленцев от собственников американский социолог Д. Бернхэм назвал "революцией управляющих". Таким образом, от вещной собственности "эмансипируется" не только значительная часть нижних, но и часть верхних страт. Наконец, на современном этапе происходит рост автономии управляющих от управляемых. З. Бауман выразил эту тенденцию в следующих словах: "Навязывание норм и исполнение нормативных предписаний приковывает контролирующих и контролируемых друг к другу, делая их неразделимыми.... Воспроизводство властной иерархии требовало их постоянного присутствия и конфронтации. Именно эту взаимную зависимость... и сделала излишней новая технология власти... Высшие эшелоны новой иерархии власти характеризуются... способностью передвигаться - стремительно и по первой необходимости, тогда как низшие уровни - неспособностью даже замедлить, не то чтобы остановить, такие движения и собственной неподвижностью. Побег и ускользание, легкость и переменчивость пришли на смену мощному и зловещему присутствию как главным приемам господства" [Бауман, 2002: 44].

В современных капиталистах уже нелегко узнать класс буржуазии индустриальной эпохи. М. Кастельс пишет: "Ни социологически, ни экономически такой категории, как глобальный класс капиталистов, не существует. Вместо него имеется взаимосвязанная, глобальная система капитала... над многообразием буржуа..., объединенных в группы, восседает безликий обобщенный капиталист, сотканный из финансовых потоков, управляемых электронными сетями" [Кастельс, 2000: 500]. Новый правящий класс называют по-разному - "класс интеллектуалов" (Д. Белл), "service class" (Дж. Голдторп), "креативный класс" (Р. Флорида). Для объяснения процессов расслоения общества теперь важнее отсылка не к отношению к средствам производства, а к таким критериям, как характер труда, уровень образования, квалификации, знаний, участие в принятии управленческих решений (управленческий капитал) или, говоря в терминах П. Бурдьё, объем интеллектуального и политического (символического) капитала. Переход от класса буржуазии к "инновационному классу" означает переход от власти экономического капитала к доминированию символического капитала.

На противоположном социальном полюсе находится уже не рабочий класс, а так называемый "андеркласс". Рабочие больше не являются самым обездоленным

классом при капитализме. По ряду статусных показателей рабочий класс занимает промежуточное положение между верхними и нижними стратами общества. По таким статусным характеристикам, как стиль жизни и модель потребления, часть рабочих стоит ближе к верхним стратам. Так, в результате проводившейся на рубеже 1970-х - 1980-х гг. британскими консерваторами политики приватизации жилья возник значительный слой рабочих-собственников жилья. Вместе с тем по такому показателю, как социальная мобильность, многие рабочие занимают позиции, близкие к нижним стратам. Так, рабочие наиболее часто наследуют классовую принадлежность (в 45% случаев). Этот показатель у управляющих составляет 18%, у работодателей - 18%, у экспертов - 10% [Кузнецова, 2009]. Наследование классовой принадлежности в современном западном обществе указывает на то, что аскриптивная стратификация является признаком не только доиндустриальных обществ.

Проблематизация возможности индивидуальной и групповой мобильности поднимает вопрос о характере социальных действий акторов, расположенных на разных уровнях социальной иерархии. В этом отношении плодотворна идея Ф. Паркина о двух классовых стратегиях - "исключения" и "узурпации" как двух основных формах "социального ограждения" [Радаев и др., 1996:124]. Согласно английскому социологу, классы конституируются в процессе коллективного действия, направленного на монополизацию ключевых ресурсов (собственность, обладание дипломами об образовании и квалификации (credentials), расовые, языковые, религиозные статусы). Одни социальные группы осуществляют стратегию исключения, под которой понимается "попытка одной группы сохранить и защитить свою привилегированную позицию за счет какой-либо другой группы через процесс ее субординации". Другие социальные группы применяют стратегию узурпации, под которой понимается "использование власти в отношении вышестоящих групп". Для верхних страт основной стратегией социального поведения является стратегия исключения. Уделом нижних страт остается стратегия узурпации. Поведенческое разнообразие возрастает с переходом от высших классов к среднему классу и рабочему классу. Именно для этих групп, занимающих промежуточное положение в социальной иерархии, характерно одновременное использование двух разнонаправленных стратегий социального действия, нацеленного на "социальное ограждение". По словам Паркина, "организованные рабочие часто прибегают к двойным формам ограждения: узурпаторским действиям против нанимателей и государства, сочетаемым с исключаяющими действиями против других менее организованных групп ..., включающих женщин и национальные меньшинства" [Радаев и др., 1996: 125]. Принцип социального ограждения не игнорирует роль экономических факторов, но рассматривает их как проявление более общего явления - процесса распределения власти между различными социальными группами. "Распределительная" модель власти в ее экономическом и внеэкономическом измерении глубже объясняет динамику социально-классовых отношений, чем экономический детерминизм. В частности, концепция "социального ограждения" вскрывает причины, лимитирующие процесс социальной мобильности в современных западных обществах.

То место в социальной структуре, которое когда-то занимал бесправный пролетариат, сейчас занимает андеркласс. По мнению З. Баумана, андеркласс есть "уже не временная аномалия, ожидающая исправления, а класс вне классов, группа, находящаяся за пределами "социальной системы"" [Бауман, 2002: 94]. В отличие от рабочего класса андерклассу остается проводить только одну социальную стратегию - стратегию "узурпации" в смысле Паркина. Возникновение андеркласса отражает процесс дихотомизации социальной структуры современного постиндустриального общества, смену основных тенденций, выразившуюся в кризисе государства благосостояния и сокращении численности среднего класса. Современные версии модели социального закрытия и дихотомной модели размещают на полюсах социальной стратификации не традиционные буржуазию и пролетариат, а социальные силы, выросшие в недрах глобализации.

Таблица 1. Категории классовой схемы и форма регулирования занятости по Дж. Голдторпу

N	Класс	Форма регулирования занятости
I	Высоко дипломированные профессионалы, администраторы и менеджеры в крупных учреждениях	Служебные отношения
II	Дипломированные профессионалы, администраторы и менеджеры в некрупных промышленных предприятиях; высококвалифицированные технические работники	Служебные отношения
III a	Высокообразованные работники рутинного неручного труда	Смешанная
III b	Малообразованные работники рутинного неручного труда	Трудовой контракт (модификация)
IVabc	Мелкие собственники и работодатели, а также занятые индивидуальной трудовой деятельностью	
V	Малообразованные технические работники, а также руководители низшего звена среди занятых физическим трудом наемных работников (бригадиры, мастера и пр.)	Смешанная
VI	Квалифицированные рабочие ручного труда	Трудовой контракт (модификация)
VII a	Неквалифицированные рабочие	Трудовой контракт
VII b	Сельскохозяйственные рабочие	Трудовой контракт

Примечание: 1) модификация означает здесь возможность смешанной формы занятости; 2) в категорию IV abc включены три разные группы (мелкие работодатели; самозанятые работники; фермеры и мелкие арендаторы) на том основании, что их объединяет одна и та же форма занятости, которая не относится ни к "служебным отношениям", ни к "трудовому контракту", ни к "смешанной" форме занятости.

Вытеснение работников материального производства работниками нефизического труда, рост символических (сетевых) производителей, расщепление страты доминирующих на группы символического и реального господства, глобализация финансовых ресурсов, индивидуализация труда, размывание категории "резервной армии труда", ослабляя зависимость управляющих от управляемых, подрывают структурные позиции рабочего класса, который исторически находится в отношениях взаимозависимости с господствующим классом.

Положение рабочего класса в современном западном обществе отражено в теоретических дебатах западных социологов. Их подходы образуют два основных направления классово-стратификационного анализа - неовеберинское и неомарксистское. Среди неовеберинцев наиболее популярна "классовая схема" Дж. Голдторпа, а среди неомарксистов - классовая модель Э. Райта.

В основе классификации Голдторпа лежит принцип многомерной стратификации. В ней учтены процессы вертикальной дифференциации профессий, характер труда, уровень образования и квалификации. Но особую роль у британского социолога играют отношения найма или формы занятости. Голдторп заимствует у Вебера идею "рыночной ситуации" классов, в том числе рабочего класса, т.е. их способность к обмену ресурсов на капиталистическом рынке труда. Отказ от концепта классов в марксовом понимании здесь мотивирован ростом страты служащих, дифференциацией рынка труда и, соответственно, отношений найма рабочей силы. "Главное различие - отмечает Голдторп, - наблюдается между трудовым контрактом, который действует в случае ручного и малообразованного неручного труда, и "служебными отношениями", которые выражаются в форме контракта, типичного для профессионального, административного и управленческого персонала организационных бюрократий, общественных и частных" [Голдторп, 2000]. Наиболее слаборесурсными группами оказываются рабочие, т.е. те, кто заключают трудовые контракты. За свой труд они получают лишь зарплату. Наиболее сильноресурсными группами являются высокообразованные и высококвалифицированные слои административно-управленческого корпуса,

т.е. те, кто кроме дохода имеют право на гарантированную занятость, на защиту пенсионных прав и на карьерный рост. Кроме того, Голдторп выделяет еще смешанную форму найма, которую практикуют те, кто занимают среднее положение между "бюрократическими структурами и рядовыми работниками" (клерки, продавцы, технические работники невысокого уровня квалификации и образования, контролеры). Наконец, особую группу работников составляют те, кто не только не продают свою рабочую силу (как мелкие собственники-работодатели), но и не покупают чужую (как самозанятые работники, фермеры и мелкие арендаторы). Их форма занятости не связана с наймом рабочей силы (см. табл. 1) [Голдторп, 2000].

На иных методологических посылах построил свою классификацию Э. Райт. Как марксист, он сосредоточился на категориях собственности и эксплуатации наемного труда. Однако его модель отразила два момента, слабее осмысленных в марксизме, - "революцию управляющих" и процесс возросшей социальной дифференциации современного западного общества. Учет первого обстоятельства позволил Райту сместить акцент с отношений собственности как формальной юридической категории на категорию контроля. Учет второго обстоятельства позволил Райту отойти от дихотомической модели Маркса как идеальной модели классовой структуры капиталистического общества, основанной на предположении о росте его пролетаризации. Из стратификационных факторов, используемых Райтом, - уровень квалификации, образования, характер труда, принадлежность к профессии - особое значение американский социолог придает категории контроля (власти) в производственном процессе. Выделение им разнообразия степеней контроля на основе контроля над денежным капиталом, контроля над физическим капиталом (средства производства) и контроля над наемным трудом позволило зафиксировать феномен классовой двойственности. Он связан с "противоречивыми классовыми позициями" страт, расположенных между буржуазией и рабочим классом [Райт, 2000]. Так, среди менеджерского корпуса есть те (высшее звено управленцев), кто являются одновременно субъектом и объектом отношений господства/подчинения и эксплуатации, и те (нижнее звено менеджеров), кто, будучи носителем отношений господства, не принадлежат к эксплуатирующим. Таким образом, Райт вслед за Вебером показывает независимость отношений господства и подчинения, образующих иерархию административно-политической власти, от категории эксплуатации, основанной на иерархии экономической власти. Иначе говоря, оба иерархических ряда не связаны каузальными отношениями. Они могут не совпадать, а в условиях высокодифференцированного западного общества не совпадают друг с другом. У Райта рабочий класс остается единственным классом, полностью отстраненным от всех форм контроля, как в неэкономических, так и в экономических измерениях власти (см. табл. 2) [Wright, 1985: 50].

Сопоставление классовых схем Голдторпа и Райта при методологических и идеологических различиях между ними обнаруживает сходные черты. В обеих схемах отражен принцип ролевой дифференциации профессиональных групп с учетом уровня их образования, квалификации, характера труда и дохода. Оба социолога исходят из полярности структурных позиций правящего класса и рабочих. Схемы фиксируют дифференциацию, как управленческого корпуса, так и рабочего класса.

Помимо объективных характеристик рабочего класса, т.е. того, что принято называть "объективным" рабочим классом, рассмотрим его субъективные характеристики, составляющие "субъективный" рабочий класс (самоидентификацию и ценностные ориентации).

Заметим, что "субъективный" рабочий класс может не совпадать и нередко не совпадает с "объективным" рабочим классом. Так, в США 41% респондентов, а в Великобритании 44% респондентов отнесли себя к рабочим. В Германии к рабочим отнесли себя всего 26% респондентов [Симончук, 2005: 10]. В США и Великобритании численность "субъективного" рабочего класса превышает долю "объективного" рабочего класса. В Германии численное соотношение "субъективного" и "объективного" рабочего класса примерно одинаково. Обращает на себя внимание обстоятельство, что в США

Таблица 2. Типология классов при капитализме по Э. Райту

Класс	Господство	Подчинение	Эксплуатирующие	Эксплуатируемые
Буржуазия	+		+	
Топ менеджеры	+	+	+	+
Менеджеры низшего уровня и супервайзоры	+	+	-	+
Рабочие		+		+
Полуавтономные работники	-	+	-	+
Мелкая буржуазия				
Мелкие наниматели	+	-	+	-

Примечание: 1) + указывает на наличие свойства 2) полуавтономные работники обладают некоторой автономией в процессе труда, которая, однако, не меняет их положения объекта подчинения и эксплуатации.

Таблица 3. Характеристика идеальных типов "традиционного" и "нового" рабочего класса по Н. Аберкромби и У. Ворду

Показатели	"Традиционный" рабочий класс	"Новый" рабочий класс
Образ общества	"Мы"/"они": оппозиционный взгляд, сконцентрирован на властных неравенствах	"Монетарная" модель: классовые отличия в терминах дохода и обладания
Вовлеченность в трудовой процесс	Высокая	Низкая
Взаимодействие с товарищами по работе	Высокое	Низкое
Вовлеченность в общности	Обширная: активная социальная жизнь	Ограниченная: стремление проводить свободное время дома
Классовая идентификация	Выраженная	Слабая
Мотивы голосования	Классовая солидарность	Инструментальные

и Великобритании, где доля материального производства меньше, чем в Германии, степень идентификации опрошенных с рабочим классом выше, чем в Германии.

Дифференциация рабочего класса выражается в выделении внутри него групп, различающихся между собой не только уровнем квалификации, образования, доходов, но и ценностными предпочтениями. На это указывают аксиологические различия между "традиционным" и "новым" рабочим классом (см. табл. 3) [Куценко, 2000: 80]. Субкультуры рабочего класса не имеют точек соприкосновения, разводя рабочих по разные стороны "баррикад".

Переход к постиндустриализму кардинально меняет положение рабочего класса в обществе. Из класса социального большинства он превращается в класс социального меньшинства. Ряд факторов лимитирует воспроизводство рабочего класса. Среди них рост сервисного и информационного общества за счет сокращения сферы материального производства; новые формы распределения рабочей силы на рынке труда (аутстаффинг, индивидуализация труда) и ее дифференциации (работники кластерного и сетевого типа); новые формы соединения труда и капитала; новые формы бедности и богатства; рост автономии управляющих от управляемых, размывающий отношения взаимозависимости, в которых традиционно находился рабочий класс с правящим классом. Современный, по выражению Э. Гидденса, "убегающий мир" оставил рабочему классу место лишь для ведения арьергардных боев, имеющих мало шансов перерасти в авангардные сражения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бауман З. Индивидуализированное общество / Под ред. Иноземцева В. Л. М.: Логос, 2002.
- Гидденс Э. Социология. 1999. URL: [http://www. destiqis/sociologiya/giddens](http://www.destiqis/sociologiya/giddens) (дата обращения: 20.05.2010).
- Голдторн Дж. Социальный класс и дифференциация контрактов занятости. 2000. URL: [http:// www.sociology/kharkov.ua/socio/do cs/problem](http://www.sociology/kharkov.ua/socio/do cs/problem) (дата обращения: 30.01.2012).
- Дракер П. Посткапиталистическое общество // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. Иноземцева В. Л. М.: Academia, 1999. С. 65 - 100.
- Иноземцев В. Л. Введение // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология /Под ред. Иноземцева В. Л. М.: Academia, 1999. С. 3 - 40.
- Иноземцев В. Л. "Класс интеллектуалов" в постиндустриальном обществе // Социологические исследования. 2000. N 6. С. 67 - 77.
- Иноземцев В. Л. Теория постиндустриального общества как методологическая парадигма российского обществоведения // Вопросы философии. 1997. N 10. С. 29 - 44.
- Кастельс М. Информационная эпоха: Экономика, общество и культура / Под ред. Шкаратана О. И. М.: ГУ ВШЭ, 2000.
- Кузнецова Е. С. Средний класс: западные концепции. 2009. URL: [http://www. demoscope. ru /weekly/ 2009/0381/analit_02.php](http://www.demoscope.ru/weekly/2009/0381/analit_02.php) (дата обращения: 15.06.2011).
- Куценко О. Д. Общество неравных. Классовый анализ неравенств в современном обществе: попытки западной социологии. Харьков: Изд-во Харьковского Национального университета им. В. Н. Каразина, 2000.
- Макарова М. Н. Особенности трансформации рабочего класса в условиях глобализации. 2006. URL: [http://www. jourssa.ru/2006/2/4a Макарова.pdf](http://www.jourssa.ru/2006/2/4a_Makarova.pdf) (дата обращения: 19.01.2011).
- Маркс К., Энгельс Ф. Капитал. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. 1.
- Радаев В. В., Шкаратан О. И. Социальная стратификация. М.: Аспект Пресс, 1996.
- Райт Э. О. Марксистские концепции классовой структуры. 2000. URL: [http://scepsis. ru/library/ id_608.html](http://scepsis.ru/library/id_608.html) (дата обращения: 20. 03.2008).
- Симончук Е. В. Рабочий класс в Украине: хроника потерь // Социология: теория, методы, маркетинг. 2005. N 4. С. 5 - 25.
- Тоффлер О. Будущее труда // Новая технократическая волна на Западе / Сост. Гуревич П. С. М.: Прогресс, 1986. С. 250 - 280.
- Warner W. L., Low J. O., Lunt P. S., Srole L. Yankee City / Selected and edited by Warner W. L. New Haven: Yale University Press, 1966.
- Wright E. O. Classes. London: Verso, 1985.